

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>

EDN: <https://elibrary.ru/ohlzdo>

УДК / UDC 81'367.5(=811.511.1)

ISSN 2076-2577

eISSN 2541-982X

<https://csfu.mrsu.ru>

Оригинальная статья / Original article

Сравнительная характеристика выражения посессивных отношений в эрзянских говорах Кочкуровского района Республики Мордовия

И. Н. Рябов , Н. А. Агафонова, Г. В. Рябова

МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация

 ryabov.74@bk.ru

Аннотация

Введение. Говоры мордовского Присурья характеризуются развитой системой притяжательных суффиксов и обладают разными средствами и формами выражения посессивных отношений. До настоящего времени диалектная система посессивных суффиксов отдельных эрзянских говоров исследуемого ландшафта не была объектом специального исследования, поэтому важной задачей статьи является описание диалектных особенностей посессивных суффиксов в парадигмах склонений имен существительных и их реализации в эрзянских говорах сел Кочкуровского района Республики Мордовия. Цель исследования – сравнительный анализ парадигм посессивных суффиксов и способов выражения притяжательных отношений в данном диалектном ландшафте.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили полевые тексты авторов, собранные во время лингвистических экспедиций в эрзянских селах Присурья. Сбор диалектного материала проводился по программе-вопроснику, отражающей морфологическое варьирование языковых явлений. Дополнительным источником послужили диалектные данные, извлеченные из фондов словарного кабинета филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. В работе использованы описательный, структурный и сравнительный методы, которые послужили основой для анализа диалектного материала.

Результаты исследования и их обсуждение. Говоры мордовского Присурья разделяются на несколько локальных групп, отличающихся друг от друга как лексическими, фонетическими, так и морфологическими особенностями. В данном лингвистическом ареале происходит взаимопроникновение языковых явлений, свойственных близкородственным языкам и диалектам. Исследование мордовского ландшафта Присурья дает возможность показать, какие способы выражения посессивности наличествуют в смешанных эрзя-мокшанских говорах. Диалектные данные позволяют проанализировать грамматические формы имен существительных, выражающих принадлежностные отношения, установить эквиваленты варьирования лично-притяжательных суффиксов в падежных парадигмах и раскрыть некоторые морфологические особенности, свойственные данным говорам.

Заключение. Средства и формы выражения посессивности в исследуемом лингвистическом пространстве представлены развитой и разнообразной системой. Проведение исследования позволило продвинуться в понимании специфики диалектной категории притяжательности и внести определенный вклад в общую теорию этого явления. Нами сравниваются зафиксированные диалектные морфологические маркеры принадлежности и их функционирование в падежных парадигмах, описаны особенности морфолого-синтаксических способов выражения притяжательных отношений в исследуемом диалектном ареале.

© Рябов И. Н., Агафонова Н. А., Рябова Г. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: эрзянский язык, говоры, категория посессивности, лично-притяжательные суффиксы, падежная парадигма, синтетические формы, аналитические конструкции

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках реализации гранта РФФ 24-28-00534 «Цифровое описание мордовских диалектов Присурья».

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рябов И. Н., Агафонова Н. А., Рябова Г. В. Сравнительная характеристика выражения посессивных отношений в эрзянских говорах Кочкуровского района Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 4. С. 392–407. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>

A Comparative Analysis of the Expression of Possessive Relations in the Erzya Dialects of the Kochkurovo District, Republic of Mordovia

I. N. Ryabov [✉], N. A. Agafonova, G. V. Ryabova

National Research Mordovia State University,

Saransk, Russian Federation

[✉] ryabov.74@bk.ru

Abstract

Introduction. The dialects of the Mordovian Prisure are characterized by a developed system of possessive suffixes and feature various means and forms of expressing possessive relations. Until now, the dialectal system of possessive suffixes in certain Erzya dialects within the studied region has not been the subject of dedicated research. Therefore, an important objective of this article is to describe the dialectal features of possessive suffixes within the paradigms of noun declensions and their realizations in the Erzya dialects of the villages in the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia. The aim of the study is a comparative analysis of the paradigms of possessive suffixes and the ways of expressing possessive relations in this dialectal landscape.

Materials and Methods. The research material includes field texts collected by the authors during linguistic expeditions to Erzya villages in the Prisure region. Dialect material was gathered according to a questionnaire program that reflects the morphological variation of linguistic phenomena. An additional source of dialect data was obtained from the archives of the lexicography department at the Faculty of Philology of Mordovia State University. The study employs descriptive, structural, and comparative methods, which form the basis for analyzing the dialect material.

Results and Discussion. The dialects of the Mordovian Prisure region are divided into several local groups that differ from each other in lexical, phonetic, and morphological features. In this linguistic area, there is a mutual influence of linguistic phenomena characteristic of closely related languages and dialects. Research on the Mordovian landscape of Prisure makes it possible to reveal the ways in which possessiveness is expressed in mixed Erzya-Moksha dialects. Dialect data allow for the analysis of grammatical forms of nouns that express possessive relationships, establish equivalents for the variation of personal-possessive suffixes within case paradigms, and uncover certain morphological features specific to these dialects.

Conclusion. The means and forms of expressing possessiveness in the studied linguistic space are represented by a developed and diverse system. The conduct of the research has advanced our understanding of the specifics of the dialectal category of possession and made a certain contribution to the general theory of this phenomenon. We compare the recorded dialectal morphological markers of possession and their functioning in case paradigms and describe the features of morphosyntactic ways of expressing possessive relationships in the studied dialectal area.

Keywords: Erzya language, dialects, possessiveness category, personal possessive suffixes, case paradigm, synthetic forms, analytic constructions

Funding: The publication was prepared within the framework of the implementation of the RSF grant 24-28-00534 "Digital description of Mordvin dialects of Prisure".

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Ryabov I.N., Agafonova N.A., Ryabova G.V. A Comparative Analysis of the Expression of Possessive Relations in the Erzya Dialects of the Kochkurovo District, Republic of Mordovia. *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):392–407. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>

Введение

Исследование современного лингвистического ландшафта мордовских диалектов Присурья занимает особое место в мордовском языкознании. По мнению Д. В. Цыганкина, «изучение этих говоров представляет большой интерес в связи с историческим прошлым присурской земли, в связи со своеобразным заселением этого района»¹. Основываясь на археологических данных, П. Д. Степанов считает, что в «бассейне реки Суры с древнейших времен в первой половине первого тысячелетия проживали предки мордовского народа»².

Территории, на которых распространяются мордовские говоры, главным образом находятся в бассейне реки Суры и ее притоках. Диалекты Присурья географически расположены в районе соприкосновения мокшанского и эрзянского языков. Анализируемые говоры имеют ряд своеобразных особенностей, связанных как с эрзянским, так и с мокшанским языками. Н. Ф. Мокшин утверждает, что «этнические контакты эрзи и мокши, которые в целом никогда не прерывались, приводили к эрзянизации мокши или мокшанизации эрзи...»³. По мнению Д. В. Цыганкина, «в результате скрещения эрзянского и мокшанского языков образовался такой диалект, который значительно отличается от других диалектов эрзянского языка»⁴. А. А. Гераклитов утверждает, что «восточная часть бывшего Саранского уезда – Кочкурово, Кочелай... населены эрзей... Появление здесь эрзи есть результат поступательного движения, под воздействием которого мокша должна была уступать часть занимавшейся ею территории в пользу эрзи...»⁵. Опираясь на его высказывания, при рассмотрении некоторых присурских говоров Д. В. Цыганкин делает вывод о том, что «современная территория... в прошлом в значительной своей части была обитаема мокшанским населением... Впоследствии, с появлением... значительной части эрзянского населения часть мокши ассимилировалась, сохранив во многих населенных пунктах ряд фонетических, лексических и морфологических черт мокшанского языка»⁶.

Жители мордовского Присурья в течение времени выработали для общения диалект, в котором сохранились черты как эрзянского, так и мокшанского языков. Исследователи мордовских диалектов относят их к смешанным, или переходным эрзянско-мокшанским говорам, объединяя в юго-восточный диалектный тип⁷. Н. Ф. Цыганов называет эти говоры «редуцированными, или ыкающими»⁸, опираясь прежде всего на фонетические признаки. Г. И. Ермушкин, вслед за Д. В. Цыганкиным, эти говоры также относит «к юго-восточным, или присурским акающим»⁹.

Юго-восточный, или присурский диалект разделяется на несколько локальных групп говоров, которые отличаются друг от друга на всех языковых уровнях. Здесь фиксируются наличие одной и той же лексемы с различной семантикой, редукция гласных непервого слога слова, неоднородность морфем определенности в косвенных падежах единствен-

¹ Цыганкин Д. В. Об одном говоре Присурья бывшего Большеберезниковского района Мордовской АССР // Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск : Красный Октябрь, 2000. С. 40.

² Степанов П. Д. Еще один памятник древней мордвы в долине р. Суры // Записки МНИИ. № 11. Саранск, 1949. С. 57.

³ Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы XIX – XX века. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1977. С. 158.

⁴ Цыганкин Д. В. Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1961. Т. 1. С. 297.

⁵ Гераклитов А. А. К вопросу о границе между 'мокшей' и 'эрзей' в начале XVII в. // Избранное: в 2 ч. / НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2011. Ч. 1. С. 137.

⁶ Цыганкин Д. В. Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1961. Т. 1. С. 297.

⁷ Цыганкин Д. В. Фонетика эрзянских диалектов : учеб. пособие. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1979. 112 с.

⁸ Цыганов Н. Ф. К вопросу классификации диалектов эрзя-мордовского языка // Совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков. Тезисы докладов. М., 1959. С. 70–73.

⁹ Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М. : Наука, 1984. 141 с.

ного числа, варьирование посессивных суффиксов и т. д. Так, в большинстве эрзянских говоров Присурия лично-притяжательный суффикс ряда *тонь* 'твой', 'твои' выступает только в твердом варианте, что не характерно для эрзянского литературного языка: *p'il'i-t* 'твое ухо', 'твои уши'; *k'ed'-e-t* 'твоя рука', 'твои руки'; *s'äl'm'i-t* 'твой глаз', 'твои глаза'. Наш полевой материал дает возможность выявить основные процессы взаимодействия как соседствующих говоров исследуемого ареала, так и двух близкородственных языков.

До настоящего времени категория притяжательности не всех эрзянских говоров мордовского Присурия была объектом специального исследования. В анализируемом ареале нами зафиксированы и описаны разнообразные языковые явления посессивных отношений, характерные только этим говорам, чем и определяется актуальность работы. Целью исследования является сравнительный анализ систем посессивных суффиксов, их парадигматика и морфолого-синтаксические способы выражения притяжательных отношений в эрзянских говорах сел Качелай, Кочкурово, Мордовское Давыдово Кочкуровского района Республики Мордовия. Территориально эти села близки, но их говоры сильно отличаются друг от друга.

Основная задача исследования состоит в выявлении и рассмотрении диалектных особенностей и посессивных суффиксов имен существительных, выражающих принадлежностные отношения; характеристике их структурных особенностей и установлении эквивалентов варьирования лично-притяжательных маркеров в падежных парадигмах; а также в рассмотрении морфолого-синтаксических способов выражения посессивных отношений данного лингвистического пространства.

В статье впервые проведен сравнительный анализ варьирования посессивных суффиксов в парадигмах склонений и выявлены особенности функционирования морфолого-синтаксических способов исследуемого диалектного ландшафта.

Обзор литературы

В мордовских языках категория посессивности рассматривалась во всех грамматиках, начиная с работ Н. Габеленца, А. Алквиста, Ф. Видемана, Х. Паасонена¹⁰, а также в современных учебниках по мокшанскому и эрзянскому языкам¹¹. Изучению системы посессивных суффиксов уделяли особое внимание М. Е. Евсевьев, Д. В. Бубрих, Д. В. Цыганкин¹² и др. В работе А. П. Феоктистова «Категория притяжательности в мордовских языках» подробно анализируются способы выражения притяжательных отношений и употребление лично-притяжательных форм в мокшанском и эрзянском литературных языках¹³. Б. А. Серебренников указывает на то, что реликты древней системы лично-притяжательных суффиксов сохранились до настоящего времени в некоторых эрзянских диалектах и говорах¹⁴. Рассмотрение эрзянских диалектов на территории Мордовии представлено в работе Д. В. Цыганкина «Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности-неопределенности

¹⁰ Gabelentz H. C. Versuch einer Mordwinischen Grammatik // Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Göttingen, 1839. Bd. 2. S. 235–284; 383–418; Ahlquist A. Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik. St. Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861. 214 p.; Wiedemann F. J. Grammatik Der Ersamordwinischen Sprache: Nebst Einem Kleinen Mordwinisch-deutschen Und Deutsch-mordwinischen Wörterbuch. St. Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1865. 261 p.; Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Zweite Auflage.

¹¹ Грамматика мордовских языков. Фонетика. Графика. Орфография. Морфология / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1980. 430 с.; Мокшень кяль. Морфология: вузоль мокшень и финно-угрань отделениянь тонафнихненди учебник. Саранск: Красный Октябрь, 2000. 236 с.; Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология: вузоль эрзянь ды финнэнь отделениянь тонафнициятнень туртов. Саранск: Красный Октябрь, 2000. 280 с.

¹² Евсевьев М. Е. Основы мордовской грамматики // Избранные труды. Саранск, 1963. Т. 4. 470 с.; Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 272 с.; Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности-неопределенности и притяжательности). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978. 64 с.

¹³ Феоктистов А. П. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. 184 с.

¹⁴ Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.

и притяжательности)», где автор показывает диалектное разнообразие притяжательных словоформ, сравнивая их с соответствующими формами литературного языка¹⁵.

На современном этапе вопросам изучения диалектов финно-угорских языков уделяется большое внимание как в синхронном [1–3], диахронном [4–6], так и в сравнительном [7–9] планах. В последние десятилетия исследователи активно работают над лингвогеографией и цифровизацией диалектного материала [10–12].

При написании статьи из научных трудов для нас особенно интересны были описательные сведения по посессивным суффиксам в эрзянских и мокшанских диалектах Д. В. Цыганкина, С. З. Деваева, Д. Т. Надькина, В. Д. Обьедкина¹⁶, где авторы отмечают, что во многих говорах и диалектах происходит смешение некоторых элементов лично-притяжательных суффиксов двух близкородственных языков. Особенности лично-притяжательных суффиксов смешанных говоров диаспоры были представлены в работах Н. А. Агафоновой, Г. И. Ермушкина¹⁷. В эрзянском диалектном ареале варьирование суффиксов и структура словоформ подробно описаны в работах Н. А. Агафоновой и И. Н. Рябова [13]. Современный взгляд на категорию посессивности и падежных парадигм определенности в мордовских языках представлен в работах Г. И. Ермушкина¹⁸, Г. С. Ивановой и Л. П. Водясовой [14]. До настоящего времени лучше всего архаичная система посессивных суффиксов уральского праязыка сохранилась в эрзянских говорах Новомалыклинского района Ульяновской области [1].

Материалы и методы

Исследование выполнено на основе полевых материалов, которые были собраны авторами в Кочкуровском районе Республики Мордовия во время лингвистических экспедиций 2021, 2023, 2024 гг. Диалектные источники отражают морфологическое варьирование языковых явлений исследуемых говоров. Сбор материала проводился на основе программы-вопросника¹⁹. Кроме того, были привлечены материалы словарного кабинета филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. Основными методами исследования явились описательный, структурный и сравнительный, использование которых позволило выявить варьирование лично-притяжательных суффиксов, рассмотреть особенности падежных парадигм, сравнить аналитические способы выражения посессивных отношений в говорах исследуемого диалектного ландшафта, определить дифференцию и закономерности развития этих говоров в современных условиях.

Результаты исследования и их обсуждение

Типологической особенностью грамматики финно-угорских языков является категория посессивности. В мордовских языках она представляет собой сложную систему. В эрзянском и мокшанском кодифицированных языках древняя система посессивных суффиксов довольно полно сохранилась до настоящего времени, особенно хорошо она представлена в мордовских диалектах и говорах. А. П. Феоктистов утверждает, что «сплочение мокшанских и эрзянских говоров в диалекты известных

¹⁵ Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности-неопределенности и притяжательности). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978. 64 с.

¹⁶ Цыганкин Д. В. Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1961. Т. 1. С. 291–395; Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокшамордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261–432; Надькин Д. Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Морд. кн. изд-во, 1968. Т. 5. С. 3–198; Обьедкин В. Д. Говор с.а Мордовское Давыдово Кочкуровского района Мордовской АССР. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 37–98.

¹⁷ Агафонова Н. А. Словоизменение существительного и местоимения в смешанных мордовских говорах Куйбышевской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1983. 21 с.; Ермушкин Г. И. Верхнепьянский диалект эрзя-мордовского языка. М. ; Гамбург, 1991. 202 с.

¹⁸ Ермушкин Г. И. Среднетёшский диалект эрзя-мордовского языка. М. ; Гронинген, 2004. 212 с.

¹⁹ Агафонова Н. А., Рябов И. Н., Рябова Г. В. Программа по сбору диалектного материала эрзянского языка. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2018.

типов завершилось еще до XVIII в.»²⁰. В течение последующих столетий под влиянием экстралингвистических факторов в изучаемых говорах происходит смешение языковых явлений как двух близкородственных, так и разноструктурных языков.

Анализ принадлежностных отношений мордовских языков демонстрирует сложность объекта исследования, охватывающего территории анализируемого лингвистического пространства. Для изучения диалектного материала нами сравнивается полевой материал говоров с. Качелай, Кочкурово, Мордовское Давыдово Кочкуровского района Республики Мордовия. В лингвистическом ландшафте исследуемого ареала способы выражения посессивных отношений очень своеобразны. Нами рассматриваются морфологический и четыре морфолого-синтаксических способа выражения притяжательных отношений.

Основным считается морфологический способ, с помощью которого в одной словоформе с посессивным суффиксом выражается лицо и число обладателя и обладаемого. Во всех четырех сериях (табл. 1–3) единственное и множественное число обладателей и обладаемых противопоставляется друг другу в трех лицах.

В говорах с. Качелай и Кочкурово диалектный суффикс I серии ряда *монь* ‘мой’ *-m* совпадает с литературным эквивалентом эрзянского языка. В говоре с. Мордовское Давыдово вместо него функционирует суффикс *-že*, характерный для мокшанского языка. Эти же суффиксы в анализируемых говорах выступают во II серии ряда *монь* ‘мой’. Сравните: Кчк. *kudu-m*, Кчл. *kudī-m*, МДвд. *kudə-z'e* ‘мой дом’ и ‘мои дома’; Кчк. и Кчл. *p'ir'i-m*, МДвд. *p'ir'ə-z'e* ‘мой огород’ и ‘мои огороды’; Кчк. *k'el'e-m*, Кчл. *k'el'i-m*, МДвд. *k'el'ə-z'e* ‘мой язык’ и ‘мои языки’.

Таблица 1. I серия ‘Один обладатель и одно обладаемое’

Table 1. Series I ‘One Possessor and One Possessed’

	Кчк. / Kchk.	Кчл. / Kchl.	МДвд. / MDvd.	э. л. / E. l.	м. л. / M. l.	Перевод / Translation
1-е л. / 1 р.	<i>-m</i> <i>val-i-m</i> <i>pango-m</i> <i>s'äl'm'i-m</i>	<i>-m (-s')</i> <i>val-i-m</i> <i>pangi-m</i> <i>s'el'm'i-m</i>	<i>-že</i> <i>val-ə-z'e</i> <i>pangə-z'e</i> <i>s'el'mə-z'e</i>	<i>-m</i> валом пангом сельмем	<i>-ze</i> валозе пангозе сельмозе	мое слово мой гриб мой глаз
2-е л. / 2 р.	<i>-t</i> <i>val-i-t</i> <i>pango-t</i> <i>s'äl'm'i-t</i>	<i>-t</i> <i>val-i-t</i> <i>pangi-t</i> <i>s'el'm'i-t</i>	<i>-c'e</i> <i>val-ə-c'e</i> <i>pangə-c'e</i> <i>s'el'mə-c'e</i>	<i>-m</i> валот пангот сельметь	<i>-це</i> валоце пангоце сельмоце	твое слово твой гриб твой глаз
3-е л. / 3 р.	<i>-zâ</i> <i>val-i-zâ pan-</i> <i>go-zâ</i> <i>s'äl'm'i-zâ</i>	<i>-zâ</i> <i>val-i-zâ</i> <i>pangi-zâ</i> <i>s'el'm'i-zâ</i>	<i>-c</i> <i>val-ə-c</i> <i>pangə-c</i> <i>s'el'mə-c</i>	<i>-zo</i> валоцо пангоцо сельмезэ	<i>-ц</i> валоц пангоц сельмоц	его слово его гриб его глаз

Примечание: здесь и далее в таблицах: Кчк. – говор с. Кочкурово; Кчл. – говор с. Качелай; МДвд. – говор с. Мордовское Давыдово Кочкуровского района Республики Мордовия; э. л. – эрзянский литературный язык; м. л. – мокшанский литературный язык.

Note: here and further in the tables: Kchk. is a dialect of the village of Kochkurovo, Kchl. is a dialect of the village of Kachelay; MDvd. is a dialect of the village of Mordovskoye Davydovo, Kochkurovsky District, Republic of Mordovia; e. l. is the Erzya literary language; m. l. is the Moksha literary language.

Источник: здесь и далее в статье все таблицы составлены авторами.

Source: here and further in the article, all tables are compiled by the authors.

²⁰ Феоктистов А. П. Об исследовании диалектов финно-угорских языков методами полевой и ареальной лингвистики // Научные издания Московского Венгерского колледжа II/1. Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков. М. : Валанг, 2002. С. 318–329.

Таблица 2. II серия ‘Один обладатель и много обладаемых’
 Table 2. Series II ‘One Possessor and Many Possessed’

	Кчк. / Kchk.	Кчл. / Kchl.	МДвд. / MDvd.	э. л. / E. l.	м. л. / M. l.	Перевод / Translation
1-е л. / 1 р.	-0 (-m) <i>val'-i-m</i> <i>pangi-m</i> <i>s'al'm'i-m</i>	-m <i>val'-i-m</i> <i>pangi-m</i> <i>s'el'm'i-m</i>	-že <i>val-ə-z'e</i> <i>pangə-z'e</i> <i>s'el'mə-z'e</i>	-н валон пангон сельмень	-не валне пангоне сельмоне	мой слова мой грибы мой глаза
2-е л. / 2 р.	-0 (-t) <i>val-i-t</i> <i>pango-t</i> <i>s'al'm'i-m</i>	-t <i>val-i-t</i> <i>pangi-t</i> <i>s'el'm'i-m</i>	-c'e <i>val-ə-c'e</i> <i>pangə-c'e</i> <i>s'el'm'ə-c'e</i>	-т валот пангот сельметь	-тне/-не валхне панкне сельмотне	твой слова твой грибы твой глаза
3-е л. / 3 р.	-ndzâ <i>val-i-ndzâ pan-</i> <i>go-ndzâ</i> <i>s'al'm'i-ndzâ</i>	-ndzâ <i>val-i-ndzâ</i> <i>pangi-ndzâ</i> <i>s'el'm'i-ndzâ</i>	-nzę <i>val-ə-nzę</i> <i>pangə-nzę</i> <i>s'el'mə-nzę</i>	-нзо/-нзэ валонзо пангонзо сельмензэ	-нза валонза пангонза сельмонза	его слова его грибы его глаза

Таблица 3. III серия ‘Много обладателей и одно обладаемое’ / IV серия ‘Много обладателей и много обладаемых’

Table 3. Series III ‘Many Possessors and One Possessed’ / Series IV ‘Many Possessors and Many Possessed’

	Кчк. / Kchk.	Кчл. / Kchl.	МДвд. / MDvd.	э. л. / E. l.	м. л. / M. l.	Перевод / Translation
1-е л. / 1 р.	-nok /-nuk/- niĭk /-nęk <i>val-i-niĭk</i> <i>pango-nok</i> <i>s'al'm'i-niĭk</i>	-niĭk <i>val-i-niĭk</i> <i>pangi-niĭk</i> <i>s'el'm'i-niĭk</i>	-n'ik'e <i>val-ə-n'ik'e</i> <i>pangə-n'ik'e</i> <i>s'el'mə-n'ik'e</i>	-нок/-нек валонок пангонок сельменек	-ньке валоньке пангоньке сельмоньке	наше слово / наши слова наш гриб / наши грибы наш глаз / наши глаза
2-е л. / 2 р.	-nk <i>val-i-nk</i> <i>pango-nk</i> <i>s'al'm'i-nk</i>	-nk <i>val-i-nk</i> <i>pangi-nk</i> <i>s'el'm'i-nk</i>	-nk <i>val-ə-nk</i> <i>pangə-nk</i> <i>s'el'mə-nk</i>	-нк валонк пангонк сельменк	-нте валонте пангонте сельмонте	ваше слово / ваши слова ваш гриб / ваши грибы ваш глаз / ваши глаза
3-е л. / 3 р.	-st <i>val-i-st</i> <i>pango-st</i> <i>s'al'm'i-st</i>	-st <i>val-i-st</i> <i>pangi-st</i> <i>s'el'm'i-st</i>	-snę <i>val-ə-snę</i> <i>pangə-snę</i> <i>s'el'm'e-snę</i>	-ст валост пангост сельмест	-сна валсна панксна сельмосна	их слово / их слова их гриб / их грибы их глаз / их глаза

Особенностью говоров с. Качелай и Кочкурово вместо эрзянского литературного посессивного суффикса *-t/-t'* для ряда *тoнь* ‘твой’ I и II серий выступает всегда твердый вариант *-t*: Кчк. *s'al'm'i-t*, Кчл. *s'el'm'i-t* ‘твой глаз’, ‘твои глаза’; Кчк., Кчл. *p'ir'i-t* ‘твой огород’, ‘твои огороды’. В говоре с. Мордовское Давыдово для ряда *тoнь* ‘твой’, ‘твои’ для I и II серий морфологическим маркером является суффикс *-c'e*, характерный для I серии мокшанского литературного языка, во II же серии здесь используется суффикс *-(m)не*. Сравните: МДвд. *s'el'm'ə-c'e* – м. л. *сельмоце* ‘твой глаз’, *сельмотне* ‘твои глаза’; МДвд. *k'el'-c'e* – м. л. *кяльце* ‘твой язык’, *кяльхне* ‘твои

языки'. Следовательно, морфологический маркер ряда *тонь* 'твой', 'твои' говора с. Мордовское Давыдово отличается как от эрзянского, так и мокшанского суффиксов.

Дифференция I и II серий ряда *тонь* 'твой', 'твои' в эрзянском диалектном ареале зафиксирована в большеигнатовских говорах Республики Мордовия²¹, присурских говорах Чувашской Республики, говорах Нижегородской области²², эрзянских говорах Новомалыклинского района Ульяновской области [1].

В I серии ряда *сонзэ* 'его' в говорах с. Качелай и Кочкурово морфологическим показателем принадлежности является суффикс *-zâ*, сравните: Кчл. *olgi-zâ*, Кчк. *olgo-zâ* – э. л. *олгозо* 'его солома'; Кчк. *s'äl'm'i-zâ*, Кчл. *s'el'm'i-zâ* – э. л. *сельмезэ* 'его глаз'. Маркер притяжательности *-zâ* совпадает с соответствующим суффиксом эрзянского кодифицированного языка. В этих говорах различие наблюдается только в конечном элементе суффикса – в *â*-образном редуцированном гласном. Все три исследуемых говора относятся к редуцированному типу, однако редукция в каждом из анализируемых говоров проявляется неоднозначно.

В отличие от эрзянской словоформы *сонзэ* 'его', в говоре с. Мордовское Давыдово, как и в мокшанском языке, личное местоимение 3-го лица единственного числа в генитиве имеет форму *сонь* 'его'. В этом говоре наличествует посессивный суффикс *-с*, совпадающий с эквивалентом *-ц* мокшанского языка. Сравните: МДвд. *k'el'-ə-c* – м. л. *кялец* 'его язык', МДвд. *kudə-c* – м. л. *кудоц* 'его дом', МДвд. *s'el'mə-c* – м. л. *сельмоц* 'его глаз'.

В анализируемых говорах во II серии лично-притяжательный суффикс 3-го лица множественного числа *-ndzâ*, характерный для говоров с. Качелай и Кочкурово, и *-nze*, фиксируемый в говоре с. Мордовское Давыдово, отличаются от I серии показателем множества обладаемых *-n*. Во всех трех исследуемых говорах рассматриваемый суффикс различается огласовкой конечной гласной: Кчл., Кчк. *p'ir'i-ndzâ*, МДвд. *p'ir'ə-nze* – э. л. *пирензэ* 'его огороды'; Кчл., Кчк. *val-i-ndzâ*, МДвд. *val-ə-nze* – э. л. *валонзо* 'его слова'. Следует отметить, что в говорах с. Качелай и Кочкурово в этих словоформах между двумя звонкими согласными проходят позиционные комбинаторные фонетические изменения, или морфонологический процесс необязательной аффрикатизации, вследствие чего в этом суффиксе возникает согласный *-d*, который в данном случае не несет никакой смысловой нагрузки.

В III и IV сериях ряда *минек* 'наш', 'наши' в говоре с. Качелай морфологическим показателем принадлежности является суффикс *-niḱ*: *val-i-niḱ* 'наше слово', 'наши слова'; *pangi-niḱ* 'наш гриб', 'наши грибы'; *s'el'm'i-niḱ* 'наш глаз', 'наши глаза'; *olgi-niḱ* 'наша солома (ед. и мн. ч.)'; *sur-i-niḱ* 'наш палец', 'наши пальцы'. В говоре с. Кочкурово эквивалентами суффикса данного ряда выступают четыре варианта, употребление которых связано с гласными первого слога слова: *ošonok* 'наш город', 'наши города'; *kudu-nuk* 'наш дом', 'наши дома'; *k'el'e-neḱ* 'наш язык', 'наши языки'; *p'ir'i-niḱ* 'наш огород', 'наши огороды'; *val'ma-niḱ* 'наше окно', 'наши окна'; *s'äl'm'i-niḱ* 'наш глаз', 'наши глаза'. Эти морфологические маркеры характерны для эрзянского языка. По мнению Б. А. Серебренникова, суффикс *-nYk* восходит к архетипному суффиксу **-nmYk*²³. В говоре с. Мордовское Давыдово в ряде *минь* 'наш', 'наши' зафиксирован суффикс *-n'ik'e*, отличающийся от соответствующих эквивалентов говоров с. Качелай и Кочкурово наличием конечной гласной, характерной для суффикса 1-го лица мокшанского языка *-ньке*. Однако и здесь есть отличие – гласная *-i* между согласными *-n* (показатель 1-го

²¹ Давыдов М. М. Больше-Игнатовский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Морд. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 118–233.

²² Надькин Д. Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Морд. кн. изд-во, 1968. Т. 5. С. 3–198.

²³ Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.

лица и множественного числа обладаемых) и *-k* (показатель множественного числа обладателей). Сравните: МДвд. *k'el'-ə-n'ik'e* – м. л. *кяленьке* ‘наш язык’, ‘наши языки’; МДвд. *p'ir'e-n'ik'e* – м. л. *переньке* ‘наш огород’, ‘наши огороды’; МДвд. *sur-ə-n'ik'e* – м. л. *суроньке* ‘наш палец’, ‘наши пальцы’; МДвд. *kudə-n'ik'e* – м. л. *кудоньке* ‘наш дом’, ‘наши дома’; МДвд. *val-ə-n'ik'e* – м. л. *валоньке* ‘наше слово’, ‘наши слова’. Б. А. Серебренников считает, что мокшанский суффикс *-n'kä* представляет собой более позднее образование, возникшее под влиянием суффикса *-zä* 1-го лица ряда *монь* ‘мой’²⁴.

В говоре с. Качелай, Кочкурово и Мордовское Давыдово для ряда *тынь* ‘ваш’, ‘ваши’ функционирует суффикс *-nk*, идентичный суффиксу эрзянского языка. Сравните: Кчл. *kudī-nk*, Кчк. *kudu-nk*, МДвд. *kudə-nk* – э. л. *кудонк* ‘ваш дом’, ‘ваши дома’; Кчл. *oš-ī-nk*, Кчк. *oš-o-nk*, МДвд. *oš-ə-nk* ‘ваш город’, ‘ваши города’; Кчл., Кчк. *p'ir'i-nk*, МДвд. *p'ir'ə-nk* – э. л. *пиренк* ‘ваш огород’, ‘ваши огороды’.

В III и IV сериях ряда *сынст* ‘их’ в говорах с. Качелай и Кочкурово, как и в эрзянском литературном языке, наличествует лично-притяжательный суффикс *-st*: Кчл., Кчк. *p'ir'i-st* – э. л. *пирест* ‘их огород’, ‘их огороды’; Кчл. *kudī-st*, Кчк. *kudu-st* – э. л. *кудост* ‘их дом’, ‘их дома’; Кчл. *s'el'm'i-st*, Кчк. *s'äl'm'i-st* – э. л. *сельмест* ‘наш глаз’, ‘наши глаза’. В говоре с. Мордовское Давыдово в ряде *сынь* ‘их’ морфологическим маркером посессивности является суффикс мокшанского языка *-sne*: *k'el'-ə-sne* – м. л. *кяльсна* ‘их язык’, ‘их языки’; *val-ə-sne* – м. л. *валсна* ‘их слово’, ‘их слова’.

Как следует из приведенного материала, в рассматриваемых эрзянских говорах Присурья зачастую происходит смешение морфологических маркеров посессивности двух близкородственных языков. В данном лингвистическом ландшафте влияние мокшанского языка проявляется в редукции гласных непервого слога слова, которая четко прослеживается в лично-притяжательных суффиксах. Наш диалектный материал позволяет утверждать, что на каждый из анализируемых говоров влияние мокшанского языка было различно. Система посессивных суффиксов говоров с. Качелай и Кочкурово в основном совпадает с эрзянской системой, тогда как лично-притяжательные суффиксы говора с. Мордовское Давыдово близки мокшанским эквивалентам. Доминирование мокшанских элементов в говоре с. Мордовское Давыдово связано с историческим заселением этих мест эрзянами, пришедшими на место проживания мокшан²⁵. На факт того, что здесь изначально проживала мокша, указывали в своих работах также М. Е. Евсевьев, Н. Ф. Мокшин²⁶.

Словоизменение имен существительных с посессивными суффиксами говоров с. Качелай и Кочкурово совпадают в основном с соответствующими парадигмами эрзянского языка, тогда как падежные парадигмы говора с. Мордовское Давыдово близки формам мокшанского языка. Это наглядно видно из таблиц 4, 5 и 6.

Сравнительный анализ полевого материала, который частично представлен в парадигмах склонений, отражает особенности каждого из анализируемых говоров. В них, как и в литературных языках, отсутствуют синтетические падежные формы генитива-аккузатива и датива в рядах *монь* ‘мой’, *тонь* ‘твой’, *минек* ‘наш’, *тынк* ‘ваш’, *сынст* ‘их’. Тогда как в ряде *сонзэ/сонь* ‘его’ есть все падежные формы с лично-притяжательными суффиксами (табл. 6). Наличие генитива-аккузатива и датива зафиксировано только у имен существительных с семантикой родства для рядов *монь* ‘мой’, *тонь* ‘твой’, *сонзэ* ‘его’ (табл. 7).

²⁴ Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков.

²⁵ Гераклитов А. А. К вопросу о границе между ‘мокшей’ и ‘эрзей’ в начале XVII в. С. 130–137.

²⁶ Евсевьев М. Е. Мордва Татреспублики // Избранные труды в 5 т. 1966. Т. 5. С. 179–196; Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы XIX – XX века. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1977. 280 с.

Таблица 4. Ряд *монь* ‘мой, мои’Table 4. The row *mon* ‘my’

Падеж / Case	Кчк. / Kchk.	Кчл. / Kchl.	МДвд. / MDvd.	Перевод / Translation
Номинатив / Nominative	<i>ava-m</i> <i>sur-i-m</i>	<i>ava-m</i> <i>sur-u-m</i>	<i>ava-z'e</i> <i>sur-ə-z'e</i>	моя мама мой палец
Генитив- аккузатив / Genitive- accusative	<i>ava-n'</i>	<i>ava-n'</i>	<i>ava-z'e-n'</i>	моей мамы
Датив / Dative	<i>ava-n'in'</i>	<i>ava-n'in'</i>	<i>ava-z'-n'ə</i>	моей маме
Аблатив / Ablative	<i>ava-dī-m</i> <i>sur-dī-m</i>	<i>ava-dī-m</i> <i>sur-du-m</i>	<i>ava-də-n</i> <i>sur-də-n</i>	о моей маме о моем пальце
Инессив / Inessive	<i>avan'ejsā</i> <i>sur-cī-m</i>	<i>avan'ājsā</i> <i>sur-cu-m</i>	<i>ava-sə-n</i> <i>sur-cə-n</i>	на/в моей маме на/в моем пальце
Элатив / Elative	<i>avan'ejstā</i> <i>sur-ctē-m</i>	<i>avan'ājstā</i> <i>sur-ctu-m</i>	<i>ava-stə-n</i> <i>sur-ctə-n</i>	от моей мамы от моего пальца
Иллатив / Illative	<i>avan'ejs</i> <i>sur-i-z-i-m</i>	<i>avan'ājs</i> <i>sur-u-z-u-m</i>	<i>ava-z-ə-n</i> <i>sur-ə-z-ə-n</i>	на мою маму в мой палец
Пролатив / Prolative	<i>avan'ežga</i> <i>surim ežga</i>	<i>avan'āžga</i> <i>surum āžga</i>	<i>ava-va-n</i> <i>sur-ga-n</i>	по моей маме по моему пальцу
Компаратив / Comparative	<i>avan'eška</i> <i>sur-ška-m</i>	<i>ava-ška-m / avan'</i> <i>ājškā</i> <i>sur-ška-m / surum</i> <i>ājškā</i>	<i>ava-ška-n</i> <i>sur-ška-n</i>	с мою маму с мой палец
Абессив / Abessive	<i>ava-ftimī-m /</i> <i>ava-dī-m baška</i> <i>sur-tumu-m / sur-</i> <i>dī-m baška</i>	<i>ava-ftimī-m / ava-</i> <i>dī-m baška</i> <i>sur-tumu-m / sur-</i> <i>du-m baška</i>	<i>ava-ftə-m-n</i> <i>sur-tə-m-n</i>	без моей мамы без моего пальца

Таблица 5. Ряд *тонь* ‘твой’Table 5. The row *ton* ‘your’

Падеж / Case	Кчк. / Kchk.	Кчл. / Kchl.	МДвд. / MDvd.	Перевод / Translation
Номинатив / Nominative	<i>ava-t</i> <i>sur-i-t</i>	<i>ava-t</i> <i>sur-u-t</i>	<i>ava-c'e</i> <i>sur-c'e</i>	твоя мама твой палец
Генитив- аккузатив / Genitive- accusative	<i>ava-t'</i>	<i>ava-t'</i>	<i>ava-c'e-n'</i>	твоей мамы
Датив / Dative	<i>ava-t'-in'</i>	<i>ava-t'-in'</i>	<i>ava-c'e-n'd'i</i>	твоей маме
Аблатив / Ablative	<i>ava-dī-t</i> <i>sur-dī-t</i>	<i>ava-dī-t</i> <i>sur-du-t</i>	<i>ava-də-t</i> <i>sur-də-t</i>	о твоей маме о твоём пальце
Инессив / Inessive	<i>ava-si-t / avat'ejsā</i> <i>sur-cī-t / surit ejsā</i>	<i>ava-si-t / avat'ājsā</i> <i>sur-cu-t / surut ājsā</i>	<i>ava-sə-t / avat'ešə</i> <i>sur-cə-t / sur'it'ešə</i>	в твоей маме в твоём пальце

Элатив / Elativ	<i>ava-stiŋ / avat' ejstâ sur-cti-t / suriŋ ejstâ</i>	<i>ava-stiŋ-t / avat' äjstâ sur-ctu-t / surut äjstâ</i>	<i>ava-stâ-t / avat' estâ sur-ctâ-t / sur' t' estâ</i>	от твоей мамы от твоего пальца
Иллатив / Illative	<i>ava-z-ŋ-t / avat' ejs sur-ŋ-z-ŋ-t / suriŋ ejs</i>	<i>ava-z-ŋ-t / avat' äjs sur-u-z-u-t / surut äjs</i>	<i>ava-z-â-t / avat' es sur-â-z-â-t / sur' t' es</i>	на/в твою маму на/в твой палец
Пролатив / Prolative	<i>ava-t' ezga suriŋ ezga</i>	<i>avat' äzga surut äzga</i>	<i>ava-va-t / avat' ezga sur-ga-t / sur' t' ezga</i>	по твоей маме по твоему пальцу
Компаратив / Comparative	<i>ava-ška-t / avat' ejškâ sur-ška-t / suriŋ ejškâ</i>	<i>ava-ška-t / avat' äjškâ sur-ška-t / surut äjškâ</i>	<i>ava-ška-t / avat' eškâ sur-ška-t / sur' t' eškâ</i>	с твою маму с твой палец
Абессив / Abessive	<i>ava-fiŋmi-t / avadiŋ baška sur-tumu-t / surdiŋ baška</i>	<i>ava-fiŋmi-t / avadiŋ baška sur-tumu-t / surdut baška</i>	<i>ava-fiŋmâ-t / avadât' baška sur-tâmâ-t / surdât' baška</i>	без твоей мамы без твоего пальца

Таблица 6. Ряд *sonze/son'* 'его'
Table 6. The row *sonze/son'* 'his'

Падеж / Case	Кчк. / Kchk.	Кчл. / Kchl.	МДвд. / MDvd.	Перевод / Translation
Номинатив / Nominative	<i>ava-zâ sur-ŋ-zâ</i>	<i>ava-zâ sur-u-zâ</i>	<i>ava-c sur-â-c</i>	его мама его палец
Генитив- аккузатив / Genitive- accusative	<i>ava-n-dzâ sur-ŋ-n-dzâ</i>	<i>ava-n-dzâ sur-u-n-dzâ</i>	<i>ava-n-c sur-â-n-c</i>	его мамы / его маму его пальца / его палец
Датив / Dative	<i>ava-nct-iŋ' sur-ŋ-nct-iŋ'</i>	<i>ava-nct-iŋ' sur-u-nct-iŋ'</i>	<i>ava-n-ctâ sur-â-n-ctâ</i>	его маме его пальцу
Аблатив / Ablative	<i>ava-dŋ-ndzâ sur-dŋ-ndzâ</i>	<i>ava-dŋ-ndzâ sur-du-ndzâ</i>	<i>ava-dâ-ndzâ sur-dâ-ndzâ</i>	о его маме о его пальце
Инессив / Inessive	<i>ava-sŋ-ndzâ / avanzi ejšâ sur-cŋ-ndzâ / suriŋzi ejšâ</i>	<i>ava-sŋ-ndzâ / avandzâ äjšâ sur-cu-ndzâ / surundzâ äjšâ</i>	<i>ava-sâ-ndzâ / avandzâ ešâ sur-câ-ndzâ / surändzâ ešâ</i>	в его маме в его пальце
Элатив / Elativ	<i>ava-stiŋ-ndzâ / avanzi ejstâ sur-ctiŋ-ndzâ / suriŋ- zi ejstâ</i>	<i>ava-stiŋ-ndzâ / avandzâ äjstâ sur-ctu-ndzâ / surundzâ äjstâ</i>	<i>ava-stâ-ndzâ / avandzâ estâ sur-ctâ-ndzâ / surändzâ estâ</i>	от его мамы от его пальца
Иллатив / Illative	<i>ava-z-ŋ-ndzâ / avan- zi ejs sur-ŋ-z-ŋ-ndzâ / sur- riŋzi ejs</i>	<i>ava-z-ŋ-ndzâ / avandzâ äjs sur-u-z-u-ndzâ / surundzâ äjs</i>	<i>ava-z-â-ndzâ / avandzâ eš sur-â-z-â-ndzâ / surändzâ eš</i>	на/в его маму на/в его палец
Пролатив / Prolative	<i>ava-ndzâ ezga suriŋ-ndzâ ezga</i>	<i>avat' äzga surut äzga</i>	<i>ava-va-ndzâ / avandzâ ezga sur-ga-ndzâ / surändzâ ezga</i>	по его маме по его пальцу
Компаратив / Comparative	<i>ava-ška-ndzâ / avan- zi ejškâ sur-ška-nzi / suriŋzi ejškâ</i>	<i>ava-ška-ndzâ / avandzâ äjškâ sur-ška-ndzâ / surundzâ äjškâ</i>	<i>ava-ška-ndzâ / avandzâ eškâ sur-ška-ndzâ / surändzâ eškâ</i>	с его маму с его палец
Абессив / Abessive	<i>ava-fiŋmi-ndzâ / avadiŋdzâ baška sur-ŋmi-ndzâ / suriŋdzâ baška</i>	<i>ava-fiŋmi-ndzâ / avadiŋdzâ baška sur-tumu-ndzâ / sur- dundzâ baška</i>	<i>ava-fiŋmâ-ndzâ / avadändzâ baška sur-tâmâ-ndzâ / surdändzâ baška</i>	без его мамы без его пальца

Таблица 7. Падежные формы генитива-аккузатива и датива
Table 7. Case forms of the genitive-accusative and dative

Ряд / The row	Падежи / Cases	Кчл., Кчк. / Kchk., Kchl.	МДвд. / MDvd.	Перевод / Translation
монь 'мой' / mon 'my'	Ген.-акк. / Gen.-acc.	<i>pat'ä-n</i>	<i>pat'ä-z'e-n'</i>	моей старшей сестры / мою старшую сестру
	Дат. / Dat.	<i>pat'ä-n'-in'</i>	<i>pat'a-z'-n'e</i>	моей старшей сестре
монь 'твой' / ton 'your'	Ген.-акк. / Gen.-acc.	<i>pat'ä-t'</i>	<i>pat'a-c'e-n'</i>	твоей старшей сестры
	Дат. / Dat.	<i>pat'ä-t'-in'</i>	<i>pat'a-c'e-n'd'i</i>	твоей старшей сестре
сонзэ/сонь 'его' / sonze / son 'his'	Ген.-акк. / Gen.-acc.	<i>pat'a-n-dzâ</i>	<i>pat'a-n-c</i>	его старшей сестры
	Дат. / Dat.	<i>pat'a-n-c-tjn'</i>	<i>pat'a-n-c-tä</i>	его старшей сестре

Данные таблицы 7 свидетельствуют, что эти падежи функционируют во всех сравниваемых говорах. В говорах с. Качалай и Кочкурово падежные формы генитива-аккузатива и датива совпадают с эквивалентами эрзянского языка, тогда как в говоре с. Мордовское Давыдово они близки с падежными формами мокшанского языка. Сравните: в дативе падежный суффикс ряда *монь* в Кчл., Кчк. *pat'a-nct-ijn'*, МДвд. *pat'a-z'-n'e* – э. л. *патаянень*, м. л. *аказенди* 'моей старшей сестре'; ряда *монь* Кчл., Кчк. *m'ir'd'i-t'-in'*, МДвд. *m'ir'd'e-c'e-n'd'i* – э. л. *мурдетень*, м. л. *мурдеценди* 'моему мужу'; ряда *сонзэ/сонь* Кчл., Кчк. *žaba-nct-ijn'*, МДвд. *žaba-nctä* – э. л. *эйкакионстэнь*, м. л. *шабанцты* 'его ребенку'.

В данном лингвистическом ландшафте широко употребительны аналитические конструкции, что следует из данных выше парадигм склонений (табл. 4–6). В анализируемых говорах, кроме морфологического способа передачи посессивных отношений, имеется четыре морфолого-синтаксических способа, которые зачастую вытесняют синтетические формы таких падежей, как аблатив, инессив, элатив, иллатив, пролатив, компаратив, абессив.

К аналитическим конструкциям следует отнести следующие морфолого-синтаксические способы выражения притяжательных отношений:

1) личное местоимение в генитиве + имя существительное с посессивным суффиксом. Например: Кчл. *Mon'p'ir'im pokš, t'ikšâ roc vajäs' – a k'en'ir'an v'ez'd'e* 'У меня огород большой, зарос травой – не успеваю везде'; *Ton'pari valit s'ed'ijizim packic t'* 'Твои хорошие слова до моего сердца дошли'; *Sondzi avazâ tus'v'ir'uv panks* 'Его мама в лес пошла за грибами'; Кчк. *Ton' m'ir'd'ift'im'it t'e t'äv'is'a t'äjiv'ä* 'Без твоего мужа это дело не сделать'; *Sondzâ abandzâ par'c t'ä tonafn'is't'* 'Его дети хорошо учились'; МДвд. *T'ed'e mon' m'el'ez'e mol'c', koda capatâ kšuman'd'ä* 'Это надоело мне, как горькая редька'; *Mon'vajg'el'ez'e ečk'e* 'У меня голос грубый'; *Son'p'itm'ec savâ pargâ* 'Цена ему – пустое лукошко'; *Son't'et'ac šir'ec', no fs'o robataj* 'Его отец постарел, но все работает';

2) личное местоимение в генитиве + имя существительное с морфемой определенности. Например: Кчл. *Mon'kudiš' taštâ, no l'embä* 'Мой дом (этот) старый, но теплый'; *M'in'ik c'orat'n'ü v'ir'k'er'it', kalt kundit', pank kan'it'* 'Наши мужчины (эти) рубят лес, ловят рыбу, собирают (букв. носят) грибы'; Кчк. *Ton'v'iška saziš' s'eh mazij jutkstunk* 'Твоя младшая сестра (эта) из вас самая красивая'; *Šinst v'al'is' pari tarkasâ äšt'ä* 'Их село (это) находится в хорошем месте'; МДвд. *Mon'udomas' sas' – m'ez'e but'i staka* 'Спать захотелось (букв. мой сон пришел) – почему-то тяжело (стало)'; *Son't'ej't'er's' er'e ala*

ul'c'asə 'Его дочь (эта) живет на нижней улице'; *M'in' skalc' af lamə lovcə makcij* 'Наша корова (эта) мало молока дает';

3) местоимение *эсь* 'свой' с именем существительным с посессивным суффиксом. Например: Кчл. *Kadiḱ es'indzâ žabandzâ m'el'ga vanä, a mon'it'n'in' – a m'es't' kortaftims* 'Пусть смотрит за своими детьми, а моих – нечего осуждать'; Кчк. *Koda son äs'lomanindzâ man'asâ* 'Как он своего человека обманет?'; МДвд. *Es't'ikšəŋne p'ejel'masä l'ed'ij't* 'Свое сено они косою косят';

4) имя существительное в аблативе с соответствующим посессивным суффиксом + послелог *баушка*. Например: Кчл. *Parâ valdiṭ baška m'ez'ijak p'el'd'et a er'av'ä* 'Кроме хороших слов мне от тебя ничего не нужно'; Кчк. *Avadiḱinik baška t'e t'av'in't'k'ijak a t'äjsä* 'Кроме нашей матери это дело никто не может сделать'. В анализируемых эрзянских говорах для большей актуализации имен существительных в аблативе возможно двойное употребление аблативного суффикса: Кчл. *Son m'ez'ijak a sodâ morododondzâ baška* 'Он ничего не знает, кроме своих песен'; Кчк. *S'oradiḱit baška t'e alašäs'k'in'in'd'ak a k'il'd'iv'ä* 'Без твоего сына эту лошадь никто не запряжет'.

Опираясь на собранный нами диалектный материал, видим, что особую роль в выражении посессивных отношений занимают аналитические конструкции, зачастую они вытесняют синтетические формы. В современных условиях аналитические конструкции отражают пути развития эрзянского диалектного языка.

Заключение

В ходе исследования в сравнительном плане рассмотрена грамматическая категория посессивности в эрзянских говорах с. Качелай, Кочкурово, Мордовское Давыдово Кочкуровского района Республики Мордовия. В рассматриваемом диалектном ареале посессивные отношения с грамматической точки зрения могут выражаться морфологическим и четырьмя морфолого-синтаксическими способами.

Основным способом выражения посессивности являются лично-притяжательные суффиксы, предназначенные для обозначения принадлежности предмета определенному лицу единственного и множественного числа. В говорах с. Качелай, Кочкурово, Мордовское Давыдово Кочкуровского района Республики Мордовия для передачи лично-притяжательных отношений функционируют все четыре серии посессивных суффиксов.

Сравнительный анализ полевого материала говоров показал: система лично-притяжательных суффиксов указанного ареала в одних говорах соответствует эрзянскому языку, в других – близка системе мокшанского языка. Несмотря на это, был выявлен ряд отличительных черт, свойственных только данному лингвистическому ландшафту.

В говорах с. Качелай и Кочкурово в ряде *монь* 'мой' для I и II серий морфологическим показателем лица является лично-притяжательный суффикс *-m*, сравните: Кчл. – *sudi-m*, Кчк. – *sudu-m*, э. л. *судом* 'мой нос' и *судон* 'мои носы'. В говоре с. Мордовское Давыдово соответствующим эквивалентом этих серий является морфологический маркер *-z'e*: *sudä-z'e*, существующий в мокшанском языке.

В исследуемых говорах с. Качелай и Кочкурово в первых двух сериях ряда *твань* 'твой' зафиксирован морфологический маркер *-t* (без мягкого варианта *-t'*): Кчл. – *s'ejil'-i-t*, Кчк. – *s'äjil'-i-t* 'твой еж', 'твои ежи'. В говоре с. Мордовское Давыдово вместо показателя *-t* выступает суффикс *-c'e*: *s'ejil'-c'e*. Необходимо отметить, что в мокшанском литературном языке для ряда *твань* 'твой', 'твои' II серии используется морфологический маркер *-(m)ne*, тогда так как в говоре с. Мордовское Давыдово суффикс II серии омонимичен суффиксу I серии.

Для I серии ряда *сонзэ* 'его' в говорах с. Качелай и Кочкурово морфологическим показателем является лично-притяжательный суффикс *-zâ*, тогда как в говоре с. Мордовское Давыдово *-c*. Сравните: Кчл. *v'el'i-zâ*, Кчк. *v'äl'i-zâ*, МДвд. *v'el'i-c*, 'его село'. Морфологический маркер притяжательности *-zâ* характерен эрзянскому языку (различие наблюдается только в конечном редуцированном гласном), посессивный суффикс *-c* совпадает с мокшанским

эквивалентом. Во II серии лично-притяжательный суффикс 3-го лица множественного числа в анализируемых говорах отличаются от I серии показателем множественности обладаемых *-n*: Кчл. *v'el'i-ndzâ*, Кчк. *v'äl'i-ndzâ*, МДвд. *v'el'e-ndzâ* 'его села'.

Отличительной чертой данных говоров в III и IV сериях ряда *минек* 'наш', 'наши' является то, что морфологическими маркерами принадлежности выступают в говоре с. Качелай суффикс *-nik* (*t'ev-i-nik*); в говоре с. Кочкурово его эквивалентами являются морфологические показатели *-nik/nek/nukl-nok* (*t'ev'-e-nek*); в говоре с. Мордовское Давыдово наличествует посессивный суффикс *-n'ik'e*, отличный как от эрзянского, так и мокшанского лично-притяжательных суффиксов (*t'ev'-a-n'ik'e* 'наше дело', 'наши дела'). В этом же говоре в ряде *сынъ* 'их' функционирует морфологический маркер *-sne*, совпадающий с соответствующим эквивалентом мокшанского языка: МДвд. *k'el'-a-sne* – м. л. *кяльсна* 'их язык', 'их языки'.

Варьирование лично-притяжательных суффиксов в анализируемых говорах Кочкуровского района связано с диалектной неоднородностью заселения этих мест. Лингвистический ландшафт исследуемого ареала исторически находится в районе соприкосновения эрзян и мокшан. В настоящее время в этих говорах прослеживаются диалектные явления того и другого языка. В говорах с. Качелай и Кочкурово преобладают языковые особенности эрзянского языка, в говоре с. Мордовское Давыдово – мокшанского языка.

В данном лингвистическом ландшафте посессивные отношения могут выражаться морфолого-синтаксическими способами. Посессивные конструкции выступают в следующих вариантах: личное местоимение в генитиве + имя существительное с посессивным суффиксом; личное местоимение в генитиве + имя существительное с морфемой определенности; местоимение *эсь* 'свой' с именем существительным с посессивным суффиксом; имя существительное в аблативе с соответствующим посессивным суффиксом + послелог *башка*. Сравнительный анализ этих говоров показал, что зачастую аналитические конструкции вытесняют синтетические падежные формы.

Полевой материал эрзянских говоров Кочкуровского района Республики Мордовия показал неоднородность употребления суффиксов посессивности в различных словоформах, их варьирование и функционирование в падежных парадигмах. В данной статье выявлены и описаны особенности морфологического и морфолого-синтаксического способов выражения посессивных отношений исследуемого ареала. Дальнейшее исследование морфологических особенностей разных грамматических категорий этого лингвистического ландшафта позволит существенно расширить знания как с точки зрения синхронии, так и диахронии диалектов мордовских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Падежные парадигмы с посессивными суффиксами в эрзянских говорах Новомалыклинского района Ульяновской области // *Linguistica Uralica* LVІ. 2020. Т. 56, № 2. С. 81–97. <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2020.2.01>
2. Новак И. П., Норманская Ю. В. Определение регулярных фонетических соответствий карельской диалектной речи. Вокализм // *Урало-алтайские исследования*. 2023. № 3 (50). С. 56–96. <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2023-50-3-56-96>
3. Карпова Л. Л. Фонетические маркеры верхнечепецкого диалекта удмуртского языка // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2023. Т. 17, № 4. С. 462–473. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2023-17-4-462-473>
4. Мосин М. В., Мосина Н. М. Система согласных в середине финно-угорской основы слова в мордовских языках // *Вестник угроведения*. 2020. Т. 10, № 2. С. 282–291. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-2-282-291>
5. Безенова М. П. Диалектная основа первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна // *Урало-алтайские исследования*. 2023. № 3 (50). С. 7–22. <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2023-50-3-7-22>
6. Ившин Л. М. Лексика пчеловодства в письменных памятниках удмуртского языка XVIII века // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2024. Т. 18, № 1. С. 14–26. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2024-18-1-14-26>

7. Норманская Ю. В. Северо-западное наречие – это горный или луговомарийский язык? // Урало-алтайские исследования. 2024. № 1 (52). С. 86–97. <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2024-52-1-86-97>
8. Агафонова Н. А., Рябов И. Н., Рябова Г. В. Варьирование суффиксов объектного спряжения будущего и прошедшего времени в эрзянском диалектном ареале // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 264–273. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.264-273>
9. Бродский И. В. Названия калины (Viburnum) в финно-угорских языках // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 249–259. <https://doi.org/10.17223/18137083/80/20>
10. Архангельский Т. А. Применение диалектометрического метода к классификации удмуртских диалектов // Урало-алтайские исследования. 2021. № 2 (41). С. 7–20. <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2021-41-2-7-20>
11. Кондратьева Н. В., Пушина Н. И. Функционирование финно-угорских языков Российской Федерации в эпоху цифровизации // Вестник урovedения. 2022. Т. 12, № 2. С. 377–385. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-2-377-385>
12. Кузнецова М. Н. К вопросу о классификации диалектов марийского языка // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17, № 4 (52). С. 523–533. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-4-523-533>
13. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Структура словоформ глаголов будущего времени объектного спряжения в эрзянских диалектах Заволжья и Южного Урала // Вестник урovedения. 2021. Т. 11, № 3. С. 407–417. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-3-407-417>
14. Иванова Г. С., Водясова Л. П. Словоизменительный потенциал указательного склонения в переходном диалекте мокшанского языка // Вестник урovedения. 2023. Т. 13, № 1 (52). С. 63–72. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-63-72>

REFERENCES

1. Agafonova N.A., Ryabov I.N. [Case Paradigms of Possessive Suffixes in the Erzya Dialects of the Novomalyklinsky District of the Ulyanovsk Region]. *Linguistica Uralica* LVI. 2020;56(2):81–97. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2020.2.01>
2. Novak I.P., Normanskaja J.V. Determining Regular Phonetic Correspondences in the Karelian Dialects. Vocalism. *Ural-Altai Studies*. 2023;(3):56–96. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2023-50-3-56-96>
3. Karpova L.L. Phonetic Markers of the Upper Chepsta Dialect of the Udmurt Language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023;17(4):462–473. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2023-17-4-462-473>
4. Mosin M.V., Mosina N.M. The Consonant System in the Middle of the Finno-Ugric Word Stem in the Mordovian Languages. *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(2):282–291. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-2-282-291>
5. Bezenova M.P. Dialect Basis of the First Udmurt Translations of the Gospel of John. *Ural-Altai Studies*. 2023;(3):7–22. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2023-50-3-7-22>
6. Ivshin L.M. Beekeeping Vocabulary in Written monuments of the Udmurt language of the XVIII Century. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2024;18(1):14–26. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2024-18-1-14-26>
7. Normanskaja J.V. Does the North-West dialect belong to Meadow or Hill Mari? *Ural-Altai Studies*. 2024;(1):86–97. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2024-52-1-86-97>
8. Agafonova N.A., Ryabov I.N., Ryabova G.V. The Variation of the Objectal Conjugation Suffixes in the Erzya Dialect Area. *Finno-Ugric World*. 2023;15(3):264–273. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.264-273>
9. Brodsky I.V. Names of Guelder Rose (Viburnum) in Finno-Ugric Languages. *Siberian Journal of Philology*. 2022;(3):249–259. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/18137083/80/20>
10. Arkhangelskiy T. Application of Dialectometric Method to the Classification of Udmurt Dialects. *Ural-Altai Studies*. 2021;(2):7–20. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2021-41-2-7-20>
11. Kondratyeva N.V., Pushina N.I. Functioning of the Finno-Ugric Languages of the Russian Federation in the Epoch of Digitalization. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(2):377–385. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-2-377-385>
12. Kuznetsova M.N. On the Issue of Classification of Dialects of the Mari L. *Vestnik of the Mari State University*. 2023;17(4):523–533. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-4-523-533>

13. Agafonova N.A., Ryabov I.N. The Structure of Word Forms of Future Tense Verbs of Object Conjugation in the Erzya Dialects of the Zavolzhye and Southern Urals. *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11(3):407–417. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-3-407-417>

14. Ivanova G.S., Vodyasova L.P. Inflectional Potential of the Indicative Declension in the Transitional Dialect of the Moksha Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2023;13(1):63–72. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-63-72>

Информация об авторах:

Рябов Иван Николаевич, кандидат филологических наук, декан филологического факультета, доцент кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6760-4376>, SPIN-код: 2034-0552, ryabov.74@bk.ru

Агафонова Нина Афанасьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8751-2751>, SPIN-код: 6385-2918, ohanina@rambler

Рябова Галина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9789-9187>, SPIN-код: 4616-6660, ryabova.gv@bk.ru

Заявленный вклад авторов:

И. Н. Рябов – разработка структуры исследования; системный анализ источников; анализ и интерпретация результатов исследования.

Н. А. Агафонова – разработка структуры исследования; теоретический анализ источников; выявление и обобщение исследуемого диалектного материала; анализ и интерпретация результатов исследования; оформление рукописи.

Г. В. Рябова – сбор, обработка и классификация диалектного материала; анализ и интерпретация результатов исследования; оформление рукописи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 05.08.2024; одобрена после рецензирования 01.10.2024; принята к публикации 07.10.2024.

Information about the authors:

Ivan N. Ryabov, Cand.Sci. (Philol.), Dean of the Philological Faculty, Associate Professor of the Department of the Mordovian Languages National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6760-4376>, SPIN-код: 2034-0552, ryabov.74@bk.ru

Nina A. Agafonova, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8751-2751>, SPIN-код: 6385-2918, ohanina@rambler

Galina V. Ryabova, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9789-9187>, SPIN-код: 4616-6660, ryabova.gv@bk.ru

Authors' contribution:

I. N. Ryabov – development of the research structure; systematic analysis of sources; analysis and interpretation of research results.

N. A. Agafonova – development of the research structure; theoretical analysis of sources; identification and generalization of the studied dialect material; analysis and interpretation of research results; design of the manuscript.

G. V. Ryabova – collection, processing and classification of dialect material; analysis and interpretation of research results; manuscript design.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 05.08.2024; revised 01.10.2024; accepted 07.10.2024.